

© 2001 г.

АННА А. ЗАЛИЗНЯК

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ДЕРИВАЦИЯ В СИНХРОНИИ И ДИАХРОНИИ: ПРОЕКТ "КАТАЛОГА СЕМАНТИЧЕСКИХ ПЕРЕХОДОВ"*

1. ВВЕДЕНИЕ

Настоящее изложение опирается на три обстоятельства (два из них содержательные и одно методологическое). Все они представляют собой идеи, которые "носятся в воздухе" – в частности, в течение последних двух-трех лет они в той или иной форме звучали в ряде докладов на семинаре по теоретической семантике в ИППИ РАН под руководством Ю.Д. Апресяна (доклады Е.Э. Бабаевой, Г.И. Кустовой, Е.В. Падучевой, В.А. Плунгяна, Е.В. Урысон, Е.С. Яковлевой, и др.). Первое – это само понятие семантической деривации, второе состоит в обращении к фактам диахронии в синхронном семантическом описании. И, наконец, третье – это обстоятельство метатеоретического характера, а именно, общая тенденция к каталогизации фактов в форме баз данных. Действительно, если некоторая предыдущая эпоха занималась описанием тех или иных механизмов языка путем их моделирования, то сейчас интерес явно сдвинулся в область их объяснения, с одной стороны, и их инвентаризации – с другой (словарь стал сейчас, по-видимому, самым популярным жанром лингвистической литературы).

1.1. ПОНЯТИЕ СЕМАНТИЧЕСКОЙ ДЕРИВАЦИИ

Термин "семантическая деривация", который был вновь введен в лингвистический обиход в работах [Кустова, Падучева 1994], [Падучева 1998а, б], [Кустова 1998] и др., упоминается вскользь в книге [Шмелев 1964]; в книге [Шмелев 1973; 191] отношения деривации между разными значениями слова называются "эпидигматическими". Обсуждаемый термин содержится в [Апресян 1974: 175, 187] в качестве синонима для термина "многозначность", однако практически не используется. Ссылаясь на В.В. Виноградова, Ю.Д. Апресян приводит в этом же значении термин "семантическое словообразование"¹. Термин "семантическая деривация" используется также в работах по исторической семантике, например, в [Трубачев 1976]. Этот термин является, по-видимому, наиболее удачным – в частности потому, что ценой довольно незначительного насилия он может быть применен не только к процессу, но и к результату, т.е. к конкретным фактам семантических переходов, каждый из которых может быть назван "семантической деривацией". Этот термин удобен еще и потому, что он указывает на производность, не уточняя ее природы, тем самым он в равной

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, грант № 98-06-80111

В основу статьи положен текст доклада, прочитанного автором на семинаре по теоретической семантике в ИППИ РАН 18 сентября 1998 г., а также на заседании сектора компаративистики Института языкознания РАН. Автор благодарен всем, принявшим участие в обсуждении данной работы.

¹ Имеется в виду, очевидным образом, создание нового слова (= слова с другим значением), но не морфологическими, как обычно, а семантическими средствами. Однако эта внутренняя форма плохо распознается, и поэтому термин представляется неудачным.

мере применим как к синхронии, так и к диахронии. А это имеет принципиальное значение, так как обеспечивает необходимую терминологическую базу для создания некой интегральной модели, в рамках которой диахронические семантические изменения и синхронные отношения между значениями многозначного слова описывались бы при помощи одного метаязыка.

1.2. ОБРАЩЕНИЕ К ДИАХРОНИИ

Обращение к фактам диахронии в рамках синхронного исследования обусловлено, очевидно, происходящей в настоящий момент сменой научной парадигмы, характеризующейся установкой на объективность, в связи с которой "оказался преодолен негласный запрет на использование данных истории языка при синхронном анализе: ведь, в конечном счете, постоянное изменение языка является одной из существенных особенностей его функционирования, поэтому полное описание языка должно учитывать и диахронические аспекты" [Плунгян 1998: 325]. "Для когнитивной теории диахронический аспект описания языка становится едва ли не более важным, чем синхронный аспект: во многом возвращаясь к принципам лингвистики XIX в., это направление провозглашает, что для понимания того, как устроен язык, и для объяснения языковых явлений апелляция к происхождению этих фактов становится одним из основных исследовательских приемов" [Плунгян 1998: 355]. Характерно обращение к диахроническому материалу в последних работах ряда исследователей синхронной семантики – ср., например, работы [Урысон 1998] и [Яковлева 1998], где рассматриваются многочисленные примеры того, как слово изменило свой исконный смысл, но "помнит" нечто из своего прошлого, и эта "память" влияет на его употребление. Ср., с другой стороны, понимание этимологии как науки о мотивационных связях и основах номинации в [Херберман 1999].

Можно привести еще целый ряд высказываний авторов разных направлений на тему о том, что синхронная полисемия представляет собою не что иное как проекцию диахронического развития на синхронную плоскость, или, по выражению Н.И. Толстого, "развернутую в пространстве диахронию" [Толстой 1997: 15].

"В синхроническом тождестве слова есть отголосок его прежних изменений и намеки на будущее развитие. Следовательно, синхроническое и диахроническое – лишь разные стороны одного и того же исторического процесса. Динамика настоящего – порыв в будущее. Соотношение значений в современном употреблении слова, их иерархия, их фразеологические контексты и их экспрессивная оценка – всегда заключают в себе диахронические отложения прошлых эпох" [Виноградов 1994: 17];

"Знание эволюции значения слова небезразлично для понимания его нынешней природы и структуры, поэтому суждение этимологии должно интересовать, и оно так или иначе интересует, специалиста по современной лингвистической семантике. иначе проигрывает лингвистическая семантика" [Трубачев 1976: 148];

"...разрыв между синхронией и диахронией в области лексической семантики представляется искусственным... Вместе с тем, очевидно назревшая необходимость последовательного сближения синхронных и диахронных семасиологических исследований" [Бабаева 1998: 94];

"То, что обращение к историческому прошлому слова может помочь в уяснении его смысла, закономерностей употребления и на синхронном уровне, не нуждается в особых доказательствах" [Яковлева 1998: 43]²,

и т.п.

Можно было бы возразить, что семантические компоненты, представляющие "память слова", "культурную память" и т.п., присутствуют в значении слова импли-

² Это при том, что еще относительно недавно идея обращения к диахронии в синхронном описании воспринималась как "еретическая" (ср. выражение "негласный запрет" в цитированном выше высказывании В.А.Плунгяна).

цитно и обнаруживают себя лишь при каких-то специальных условиях – обычно под давлением контекста и прежде всего при употреблении языка в поэтической функции по Якобсону, т.е. в поэзии, в речевых играх и т.п. Действительно, учет этих факторов в какой-то мере является вопросом общей идеологической установки исследователя. Однако даже если считать необходимым – и возможным – жестко отграничить изучение коммуникативной функции языка от поэтической, то как быть с тем, что помимо перечисленных выше "тонких" обстоятельств, имеется такое банальное, как, например, словообразование, в котором последовательно и регулярно сохраняется старое значение слова (факт более чем общеизвестный, однако сторонниками резкого противопоставления синхронии и диахронии почему-то игнорируемый)?

Итак, отношения семантической производности, связывающие между собой разные значения одного слова на уровне синхронной полисемии, и отношения между значениями слова в разные моменты его истории представляют собой одно и то же явление, которое мы будем называть *семантической деривацией*. Наибольший интерес для нас представляют случаи регулярной семантической деривации, воспроизводимой независимо в истории разных слов и разных языков. Примером такой регулярно воспроизводимой семантической деривации может служить неоднократно обсуждавшийся переход

№ 1. 'схватить' → 'понять', произошедший исторически, например, в русском глаголе *понять*, лат. *comprehendo* и *conspicio*, итал. *capire* и воспроизведенный в англ. *to catch*, *to capture* и франц. *saisir* и др. в форме синхронной полисемии.

Менее тривиальный пример – семантическая деривация

№ 2. 'пустой' → 'тщетный'.

Она представлена, в частности, в историческом семантическом развитии русского слова *тщетный* (ср. [Шимчук 1991]); одновременно семантическая деривация 'пустой' → 'тщетный' воспроизводится в форме синхронной полисемии, например, русского слова *пустой*, ср. *пустая затея*, *впустую*; ср. также полисемию лат. *vanit*.

Однако чуть более внимательный анализ материала показывает, что задача объединения синхронных и диахронических отношений семантической деривации является в некотором смысле искусственной. На самом деле проблема скорее в обратном – как их различить (к счастью, нам не предстоит ее решать). Дело в том, что между диахронической и синхронной семантической деривацией имеются промежуточные случаи, и граница здесь в достаточной мере условна. Так, если для неисключенного носителя русского языка слово *понять*, по-видимому, не связывается с *поймать* и вообще с идеей 'схватить' (т.е. здесь мы имеем дело с чисто диахронической деривацией), то глаголы *уловить* и *схватывать*, которые тоже содержат семантическую деривацию № 1 (ср.: *я не уловил смысла его слов; он схватывает все на лету*) безусловно однозначно ассоциируются с *ловить* и *схватить*. При этом глаголы *ловить* и *схватить* имеют в современном языке только "прямое", а *уловить* и *схватывать* – только "переносное" значение³. Тем самым, трудно сказать, имеем ли мы в данном случае дело с синхронной или диахронической семантической деривацией.

³ Точнее говоря. глагол несов. вида *схватывать* в некоторых значениях (напр., о судороге) образует "тривиальную" видовую пару с глаголом *схватить* (т.е. он может иметь то же значение, что *схватить*, но только в контексте многократности и настоящего исторического). Ср. другие примеры семантической деривации в имперфективном члене тривиальной видовой пары: *утонуть* – *утопать*, *взять* – *взимать*, *явиться* – *являться* (*кем-то*), *упиться* – *упиваться* (*чем-то*) [Зализняк, Шмелев 2000: 62–64], а также ниже, семантические деривации №№ 17, 18.

Идея о том, что синхронные отношения между разными значениями многозначного слова и отношения между исходным и производным значением слова в диахронии представляют собой две стороны одного явления, неоднократно эксплицитно высказывалась разными авторами (О.Н. Трубачев, В.В. Виноградов, Н.И. Толстой и др.) и фактически лежит в основе всех историко-лингвистических исследований, в том числе этимологии – ср. прежде всего понятие "семантической параллели".

Поскольку понятие "семантической параллели" необычайно важно для дальнейшего обсуждения, позволим себе напомнить, что так называют факт аналогичного семантического развития слова с тем же значением в другом языке. Понятие семантической параллели традиционно используется в этимологии как аргумент в пользу предлагаемого этимологического сближения. Так, например, [Трубачев 1976] русское слово *наглый*, имеющее диалектное значение 'чистый, настоящий' возводится к слав. **nag-* 'голый', подкрепляя эту этимологию фактом наличия у немецкого слова *bar* значений 'голый' (ср. *barfuß* 'босоногий') и 'чистый, настоящий' (ср. *Bargeld* 'наличные деньги').

Однако как теоретическая разработка этой идеи, так и ее практическое осуществление в настоящее время находится лишь в самой начальной фазе: мне известны только две работы, где проводится систематическое сопоставление фактов параллельного семантического развития. Первое – это книга [Яворская 1992], где содержится анализ довольно большой группы русских прилагательных в сопоставлении с английскими с точки зрения установления параллелей в структуре многозначности – как в синхронном, так и в диахроническом аспекте. Второе – ономастологический словарь [Schörpfer 1979]. Близкая идея (точнее, ее диахроническая часть) положена в основу "Исторического словаря русского языка", замысел которого принадлежит Д.Н. Шмелеву, и над которым в настоящее время работает группа сотрудников Института русского языка [Бабаева, Журавлев, Макеева 1997]. В книге [Виноградов 1994] содержится масса фактов из семантической истории русских слов. С другой стороны, имеется множество работ, где упоминаются отдельные факты сходного семантического развития слов разных языков. Однако никакого обобщающего труда, где все эти факты были бы сведены вместе и представлены в едином формате, не существует.

Замысел "Каталога семантических дериваций" (который в дальнейшем может быть превращен в базу данных) состоит в следующем. В исходной точке работы мы отказываемся от каких-либо построений объяснительного и даже классификационного характера. Каталог преследует чисто фактографическую цель: представление в явном виде и систематизация уже установленных фактов семантической деривации. Таким образом, ни причины, ни сами механизмы семантической деривации не исследуются: каталог создаст лишь информационную базу для решения этих задач, а также некоторых других – в частности, он может послужить задаче нахождения семантического критерия реконструкции.

Этот каталог может быть в дальнейшем использован также для решения задач типологического характера, в конечном счете – для построения некой семантической типологии на основе выявления наиболее устойчивых семантических соотношений, существующих одновременно в нескольких языках и/или многократно воспроизводимых на протяжении истории одного языка. Каталог семантических дериваций может послужить также базой для установления фактов семантического калькирования (т.е. заимствования производного значения). Основой исследования является материал русского и ряда европейских языков.

Таким образом, основной пафос данной работы состоит не в классификации типов семантических изменений (что продельвалось многожды на протяжении всего

XIX в. и отчасти XX в. и дало в общем-то довольно неутешительные результаты)⁴, а в их инвентаризации.

Идея подобной инвентаризации семантических дериваций также не является полностью новой. В 1964 г. О.Н. Трубачев, опираясь, в значительной степени, на идеи, изложенные в известной статье Э. Бенвениста [Benveniste 1954] (ознаменовавшей собой новый этап развития исторической семантики, а именно, появление новой области – семантической реконструкции), выдвинул идею создания "Словаря семантических переходов". Этот словарь был задуман как чисто диахронический и должен был служить целям этимологии – обеспечивать семантический критерий реконструкции. Этот замысел, однако, ни в какой форме не был осуществлен. Независимо сходный проект был выдвинут немецким ученым Й. Шрёпфером [Schröpfer 1956].

2. УСТРОЙСТВО КАТАЛОГА

Единицей каталога является семантическая деривация, понимаемая как двусторонняя сущность, т.е. единица, имеющая план содержания и план выражения: первый представляет собой пару смыслов, связанных отношением семантической производности ('а' ↔ 'b')⁵, второй – множество реализаций данного семантического перехода, т.е. списком слов, в которых он представлен⁶ – синхронно или диахронически (поскольку, как уже было сказано, здесь нет жесткой границы, это различие не отмечается). Например:

№ 3. 'стоять' ↔ 'стойть'

др.-русс. *стояти* НСВ/*стати* СВ 'стоять', 'стойть'

русс. *стойть* (восходит к *стоять* [Крысько 1997])

русс. *стать* (во что бы то ни стало; это тебе дорого станет)

лат. *constare* 'стойть' от *stare* 'стоять'

(значение 'стойть' есть и у бесприставочного *stare*)

греч. καθίστημι 'ставит', 'стойть' [Крысько 1997: 91]

№ 4. 'плохой' ↔ 'злой':

русс. *зло* ('плохое'); *злой* ('злой')

нем. *das Böse* ('зло' = 'плохое'); *böse* ('злой')

итал. *cattivo* ('плохой'; 'злой')

франц. *mauvais* ('плохой'; 'злой') [Гак 1997: 49]

исп. *malo* ('плохой'; 'злой') [Гак 1997: 49]

2.1. НАПРАВЛЕНИЕ СТРЕЛКИ

Как уже говорилось, семантическая деривация обозначается при помощи семантической записи двух значений и стрелки между ними (кроме того, в левой части возможен еще некоторый оператор над значением – обычно приставка, см. ниже). В качестве метаязыка используется семантический язык, максимально приближенный к естественному, т.е. для записи значения по возможности выбирается такое слово русского языка, у которого нужное значение является единственным или основным. В случае, когда направление семантического развития не устанавливается однозначно, используется двусторонняя стрелка, указывающая просто на тот факт, что 'а' и 'b' являются значениями одного слова (при этом слева стоит то значение, которое с

⁴ Неутешительные в том смысле, что никаких общих законов здесь установить не удалось: было обнаружено, что возможно как сужение, так и расширение значения, развитие как от более конкретного к более абстрактному, так и наоборот, добавление и вычеркивание семантических компонентов и т.д. (см. обсуждение этой проблемы в [Kleparsky 1986]).

⁵ О направлении стрелки см. раздел 2.1.

⁶ В случае, когда наличие у данного слова данного значения не очевидно, дается ссылка на источник.

большей вероятностью является исходным). Если направление семантической деривации устанавливается однозначно, то используется односторонняя стрелка. Вообще направление семантической деривации – вещь далеко не очевидная, с одной стороны и, вообще говоря, не столь уж существенная – с другой. В связи с этой проблемой приведем следующий пример.

№ 5. 'быстро передвигаться' ↔ 'течь'
др.-русс. *течи* 'быстро передвигаться', 'течь'
русс. *течь* 'течь', 'плавно передвигаться'
Ср. *стечение народа (обстоятельств)*, *наутек*; *течение времени*, *скоротечный*, *быстротекущий*, *текущий момент*.

Современный язык квалифицирует это соотношение как метафорический перенос в направлении 'а' ← 'б', в то время как исторически, т.е. реально, здесь имел место переход 'а' → 'б' (спецификация, сужение значения).

2.2. РЕАЛИЗАЦИЯ СЕМАНТИЧЕСКОЙ ДЕРИВАЦИИ

Что считается реализацией данной семантической деривации? Здесь возникает проблема тождества слова – поскольку имеются в виду только значения одного и того же слова. Когда речь идет про слово одного языка определенного синхронного среза (случай 1), здесь никаких особых трудностей не возникает. Несколько сложнее обстоит дело в случае диахронического тождества внутри одного языка (случай 2), хотя здесь тоже могут возникать лишь какие-то частные проблемы: в целом, если слово (физически) сохранилось, то такое отождествление не представляет особых трудностей. Более существенные трудности возникают при наличии данных двух значений у одного слова в двух близкородственных языках (случай 3).

Итак, случай (1): *полисемия*, т.е. наличие данного семантического соотношения между двумя значениями некоторого слова некоторого языка, например, семантическая деривация

№ 6. 'женщина' ↔ 'жена',
представленная во франц. слове *femme*, в нем. *Frau* и др.

Случай (2): *диакронический сдвиг*, т.е. изменение значения, переход 'а' → 'б'; например, та же семантическая деривация № 6, представленная в русском слове *жена*.

На самом деле, точнее было бы говорить не о семантическом переходе 'а' → 'б', а об утрате значения 'а', как, например, в русском слове *жена* (утратившем в современном русском языке значение 'женщина'). Однако, как известно, полностью старое значение никогда не исчезает: оно остается как минимум в словообразовании (ср. *женский*, *женолюб*, *женоненавистник*, *женоподобный* – все эти слова соотносятся со значением 'женщина', а не 'жена') – но отчасти даже и в словоизменении (ср. форму *лет* – род. множ. от *лето* в устаревшем значении 'год' – выступающую, в ряде контекстов, в функции род. множ. от слова *год*, ср. *один год*, но *пять лет*). Это опять приводит нас к выводу о том, что между синхронной и диахронической семантической деривацией нет четкой границы.

Случай (3): наличие данных двух значений у одного слова (= слов, произошедших из одного слова) в двух близкородственных языках (явление, известное под названием "ложных друзей переводчика"), например:

№ 7. 'надеяться' ↔ 'ждать'
франц. *espérer* 'надеяться' и исп. *esperar* 'ждать';

№ 8 'слышать' ↔ 'понимать'
франц. *entendre* 'слышать' и исп. *entender* 'понимать'.

Ср. также церковнославянско-русские паронимы [Седакова 1992–95].

Для русского языка здесь возникает, кроме того, специфическая проблема церковнославянско-русских этимологических дублетов (*глава-голова, страна-сторона* и т.п.), которые, по-видимому, в нужном нам смысле следует считать одним словом.

Что же, наоборот, не является семантической деривацией?

Поскольку отношение семантической деривации устанавливается внутри одного слова (или между словами, восходящими к одному источнику), не является семантической деривацией то, что происходит из разных источников, т.е. случаи о м о н и м и и – по крайней мере, возникшей в результате совпадения исходно разных слов (типа русского *лук*). Несколько сложнее обстоит дело со случаями типа *топить* (промежуточными между омонимией и полисемией)⁷; в таких спорных случаях аргументом в пользу полисемии могло бы быть наличие аналогичного соотношения в каком-то другом языке. Не относится к области семантической деривации также некоторые случаи полисемии, в частности, полисемия приставочных образований. возникающая за счет полисемии приставки, типа *залечить* <рану> и *залечить* <человека> (= 'причинить ущерб лечением'); *мясо уварилось* (= 'уменьшилось в размере в результате варки' и 'хорошо сварилось') и т.п., так как в таких случаях обычно следует обсуждать полисемию самой приставки, а не приставочных глаголов. Так, например, пара русск. *запомнить* и польск. *zapamiętać* 'забыть' не дает основания для постулирования семантической деривации 'запомнить' ↔ 'забыть', в то время как между соответствующими значениями приставки *за-* определенное отношение семантической деривации может быть установлено. Более того, семантическая деривация приставки иногда даже более отчетливо демонстрирует некоторые общие тенденции – ср. переход 'перестать быть видимым' → 'перестать существовать' в значении приставки *у-* (ср. [Зализняк 1995; 2000]).

Однако и среди того круга явлений, которые относятся к семантической деривации, следует провести некоторые разграничения, позволяющие выделить ядерную и периферийные зоны.

2.3. ОГРАНИЧЕНИЕ МАТЕРИАЛА

Назначение нашего каталога состоит в инвентаризации фактов семантической деривации – однако все же не всех, а таких, которые обладают свойством повторяемости, т.е. к которым можно было бы обращаться при установлении новых таких фактов. Поэтому в центре внимания находятся случаи р е г у л я р н о й семантической деривации. С другой стороны, ограничение материала задается м а с ш т а б о м семантического сдвига: чтобы инвентаризация имела смысл, "расстояние" между значением должно быть не слишком большим и не слишком маленьким. Изложим подробнее эти принципы.

2.3.1. СТЕПЕНЬ РЕГУЛЯРНОСТИ

Итак, нас интересуют в первую очередь регулярные семантические деривации. В каталог не включаются семантические сдвиги, произошедшие в силу случайных причин, каких-то казусов – как лингвистического, так и экстралингвистического свойства. Примером первого может служить семантическая эволюция русского слова *довлеть*, которое в современном языке приобрело значение 'психологически давить, тяготеть' – одновременно с появлением управления <над кем-то>. Этот сдвиг произошел, очевидно, в результате действия аналогии со стороны словообразовательной модели, представленной в словах типа *терпеть* – *терпение*, *стареть* – *старение* и т.п., под влиянием которой возникла пара *довлеть* – *давление* (чередование *о/а* в глагольных основах достаточно распространено). В основе семантического развития

⁷ Обсуждение разных значений глагола *топить* и их функционального соотношения см. в [Апресян 1974; Трубачев 1976].

слова *довлеть* лежит, таким образом, случайное обстоятельство – фонетическое сходство основ со значением ‘давить’ и ‘быть достаточным’ (тем самым это не есть собственно семантическая деривация – скорее вытеснение одного значения другим).

На другом полюсе находятся семантические деривации, обладающие наибольшей регулярностью. Сюда относятся некоторые из семантических дериваций, происходящих при грамматикализации значений, выражаемых исходно лексическими средствами, – таких как ‘держать’ → ‘иметь’, ‘хотеть’ → [вспомогательный глагол в буд. времени]; развитие эпистемического значения у модальных глаголов *может* и *должен*, метафорический перенос у прилагательных типа *высокий* и *низкий*, *светлый* и *темный*, синэстетические сдвиги у слов типа *мягкий*, *сладкий*, *яркий*, *острый* и некоторые другие. Подобные семантические деривации могут быть отражены в каталоге не в самую первую очередь – поскольку их существование и так хорошо известно.

Итак, в центре нашего внимания находятся регулярные, и при этом нетривиальные семантические сдвиги, воспроизводимые в разных языках и/или в разных словах одного языка. Возникает вопрос: как опознать семантические деривации, удовлетворяющие данным условиям? Самое простое – ввести требование, чтобы для каждой каталогизируемой семантической деривации приводилось как минимум две ее реализации. Например, для деривации

№ 9. ‘время’ ↔ ‘погода’

имеются реализации:

франц. *temps* ‘время’, ‘погода’

сербохорв. *vreme* ‘время’, ‘погода’ [Толстой 1997б: 50]

русс. *время* в языке Пушкина, имевшее значение не только ‘время’, но и ‘погода’, ср.: “Барин, не прикажешь ли воротиться? [...] *Время* ненадежно: ветер слегка подымается; вишь, как он сметает порошу” (“Капитанская дочка”). Значение ‘погода’ впоследствии было утрачено⁸.

В связи с этим примером естественно возникает подозрение, не является ли значение ‘погода’ у русского слова *время* семантической калькой с французского. На проблеме семантического калькирования мы остановимся позднее (раздел 2.4); пока отметим лишь, что даже если это калька, то это не означает, что такое слово не следует включать в каталог – хотя бы потому, что факт калькирования часто бывает невозможно или очень трудно установить. Однако это обстоятельство несколько “размывает” требование, чтобы реализаций у каждой семантической деривации было как минимум две, поскольку они могут оказаться просто репродукцией одной и той же реализации. Аналогичная репродукция, помимо семантического калькирования, происходит при обычном заимствовании (ср. семантическую деривацию № 13), а также в близкородственных языках, когда каждое из слов-потомков просто наследует полисемию, присутствовавшую в слове-предке. С другой стороны, может так оказаться, что вторая реализация, необходимая для включения некоторой семантической деривации в каталог, просто пока “не встретилась”. По этим двум причинам требование о необходимости как минимум двух реализаций для каждой семантической деривации не является жестким.

2.3.2. МАСШТАБ ИЗМЕНЕНИЙ

Очень важным является вопрос о “масштабе” рассматриваемых семантических дериваций, т.е. о величине расхождения между значениями. Дело в том, что между двумя членами отношения семантической деривации может быть различная смысловая

⁸ В первых двух примерах здесь представлена, очевидно, синхронная деривация. Что же касается русского *время*, то для языка пушкинской эпохи это тоже синхронная деривация, а для русского языка в целом, очевидно, диахроническая (тем самым, язык пушкинской эпохи предстает в данном отношении как “другой” по отношению к современному русскому языку).

дистанция. Оптимальной (для наших целей) представляется приблизительно та дистанция, которая разделяет значения одного слова в традиционных толковых (или двуязычных) словарях – что примерно соответствует критерию Куриловича (разными считаются такие значения, которые имеют разные синонимичные однословные выражения). Имеются в виду рамки "обычных" отношений полисемии; они противопоставлены, с одной стороны, омонимии, а с другой стороны – "подзначениям" (т.е. вариантам внутри нумеруемых значений). Семантическая деривация большей дистанции – то, чем оперирует этимология и вообще реконструкция: ср. знаменитый пример семантической реконструкции Бенвениста для франц. глагола *voler*, имеющего значения 'лететь' и 'красть', которые являются в современном языке омонимами, но их единство может быть восстановлено в употреблении типа *le faucon vole la perdrix* "сокол преследует и ловит на лету куропатку", букв. "сокол *летит* куропатку" [Бенвенист 1974: 333]. Наоборот, меньшая дистанция имеется между значениями, различающимися набором или статусом актантов: *Гусар звенел шпорами и шпоры звенели*, *Юбка метет по мостовой, нож хорошо режет* (деривация этого масштаба исследуется, в частности, в работах Е.В. Падучевой, Р.И. Розиной и Г.И. Кустовой в рамках системы "Лексикограф", задачей которой является создание своего рода порождающей модели для глагольной полисемии). Разумеется, обе эти границы в значительной степени условны, но так или иначе можно сказать, что в каталог попадают семантические деривации "средней" дистанции.

Включению в рассмотрение семантических дериваций больших и малых дистанций препятствуют следующие обстоятельства: семантические деривации больших дистанций преимущественно являются результатом реконструкции, т.е. содержат элемент гипотетичности; на первом этапе такие семантические деривации имеют смысл исключить из рассмотрения, чтобы не смешивать информацию различной степени точности. Что же касается, наоборот, малых дистанций, то это – материал для решения другой задачи. Если, например, в системе "Лексикограф" исследуются закономерности семантической деривации внутри определенных классов слов, то в нашем каталоге – и н д и в и д у а л ь н ы е изменения значений. При этом в нашей системе закономерность ищется не индуктивно (путем выявления семантического механизма деривации), а, так сказать, эмпирически – она вытекает из самого факта повторяемости данного семантического перехода, его независимого воспроизведения в разных языках в разные эпохи.

Важно также подчеркнуть, что объектом каталогизации являются изменения именно значений, а не семантических компонентов или семантических признаков. Поэтому " типовые " семантические деривации – например, различие процессного и стативного значения таких глаголов как *думать*, *говорить*, *изображать*, *загораживать* (т.е. категориальные, типовые, повторяющиеся внутри классов слов сдвиги), как и метонимии типа "вместилище – его содержимое" в каталог не включаются. Это – другая задача (и в частности, она не предполагает межъязыкового отождествления).

Итак, речь идет лишь об изменении и н д и в и д у а л ь н ы х значений слов – но только тех, которые многократно в о с п р о и з в о д я т с я, что доказывает неслучайный характер этих изменений.

2.4. ПРОБЛЕМА СЕМАНТИЧЕСКОГО КАЛЬКИРОВАНИЯ

Последнее утверждение требует одной очень важной оговорки. Дело в том, что воспроизведение некоторой семантической деривации разными языками может быть обусловлено не параллельным (независимым) семантическим развитием, а заимствованием этого производного значения – т.е. результатом с е м а н т и ч е с к о г о к а л ь к и р о в а н и я. При этом установление факта калькирования – совершенно отдельная процедура, требующая применения других (историко-филологических) методов анализа, что выходит за рамки нашей задачи. (Блестящие образцы такой работы мы находим, например, в исследованиях В.В. Виноградова по "истории слов".)

Собственно лингвистическими методами могут быть выявлены лишь случаи "подозрительного" сходства. Ср., например, сходную внутреннюю форму слова со значением 'поезд' в немецком, польском и чешском языках⁹, наводящую на мысль о калькировании:

№ 10. [от 'тянуть'] → 'поезд'

нем. *Zug*

польск. *ociąg*

чешск. *vlak*

Другой пример: "семиотическое" значение у глагола *говорить* 'означать' (*это говорит о его смелости*), которое появилось в русском языке в начале XIX в. – возможно, под влиянием французского, где это значение (у глагола *dire*) появилось значительно раньше (*qu'est ce que ça veut dire?*):

№ 11. 'говорить' → 'означать'

русск. *говорить*

франц. *dire*

нем. *sagen*

греч. *λέγω*

Возможно, результатом калькирования является наличие у глагола со значением 'обнаруживать' производного значения 'придерживаться мнения', ср.:

№ 12. 'обнаруживать' → 'придерживаться мнения':

русск. *находить*

франц. *trouver*

итал. *trovare*

англ. *to find*

нем. *finden*.

В следующем примере слово было заимствовано (в древнеанглийский из старофранцузского), очевидно, уже с присущей ему многозначностью:

№ 13. 'пленный' → 'плохой':

лат. *captivus* ('пленный'), итал. *cattivo* ('плохой')

лат. *captivus* ('пленный'), франц. *chétif* ('плохой') [Будагов 1963]

др.-англ. *caitiff* ('пленный', 'плохой') [Kleparski 1986].

Впрочем, окончательно установить факт семантического калькирования удастся довольно редко. Это возможно лишь в случае, когда тому имеются какие-то свидетельства – так, например, известно, что слово *трогать* в значении 'воздействовать на чувства' появилось впервые у А.П. Сумарокова под воздействием франц. *toucher* [Виноградов 1994: 810]. Однако достаточно часто вопрос о том, является ли сходство семантической деривации результатом независимого развития или семантического калькирования, остается без окончательного ответа. Более того, для языков, которые находятся между собой в постоянном контакте, граница между этими двумя явлениями до некоторой степени стирается (подобно тому, как в тесном научном коллективе порой трудно бывает установить, кто первый придумал некоторую ставшую впоследствии популярной идею). Тем самым некоторое "подозрение" в несамостоятельности той или иной семантической деривации имеется почти всегда, и нет ни возможности, ни смысла такие случаи исключать из рассмотрения: заимствование производного значения, если оно удерживается в заимствовавшем языке, есть подтверждение "жизнеспособности", соответствующей семантической деривации. С другой стороны, бывает и так, что сам факт калькирования представляется практически бесспорным, однако его направление не очевидно (ср. № 12).

⁹ О семантической деривации с участием словообразования см. раздел 2.5.2.

Как уже говорилось, семантическая деривация представляет собой двустороннюю сущность; ее планом содержания является некоторая пара смыслов, вступающих в определенное отношение; планом выражения – полисемичное слово, где это отношение представлено. Помимо этих "образцовых" случаев, имеются некоторые типичные отклонения.

2.5.1. МНОГОЧЛЕННЫЕ ДЕРИВАЦИИ

Прежде всего, довольно часто бывает так, что слово имеет более двух значений, и при этом отношения между ними удовлетворяют изложенным выше условиям. В таких случаях в принципе возможны разные решения, однако оптимальным по-видимому является решение, при котором в качестве основного способа представления полисемии используется множество "стандартных" двучленных дериваций, например:

№ 14. 'идти в неопределенном направлении' → 'идти в неправильном направлении'
лат. *errare*

др.-русс. *блудити*

№ 15. 'идти в неправильном направлении' → 'ошибаться'
лат. *errare*

др.-русс. *блудити*

№ 16. 'ошибаться' → 'предаваться разврату'
лат. *errare*

др.-русс. *блудити*

№ 17. 'идти в неопределенном направлении' → 'предаваться разврату'
русс. *блудить-блуждать*

№ 18. 'идти в неправильном направлении' → 'ошибаться'
русс. *заблудиться/заблуждаться*¹⁰

и т.д.

Та же информация может быть представлена в сводной таблице¹¹:

Таблица 1

	лат. <i>errare</i>	др.-русс. <i>блудити</i>	русс. <i>блудить</i>	русс. <i>блуж- дать</i>	русс. <i>заблу- диться</i>	русс. <i>заблуж- даться</i>
'идти в неопред. направл.'	+	+		+		
'идти в неправ. направл.'	+	+			+	
'ошибаться'	+	+				+
'предаваться разврату'		+	+			

¹⁰ Поскольку *блуждать* является морфологическим имперфективом к *блудить*, а *заблуждаться* – к *заблудиться*, в некотором смысле каждая пара глагола является одним словом.

¹¹ В первых двух колонках отражены типы синхронной семантической деривации лат. глагола *errare* и др.-русс. глагола *блудити*. Для всех остальных глаголов речь идет о той же семантической деривации в диахронии.

Такого рода таблица в типологическом отношении является даже более информативной, выявляя картину того, как по-разному членят языки одну и ту же концептуальную сферу. Ср.:

Таблица 2

	‘человек’	‘мужчина’	‘муж’
англ.	<i>man</i>	<i>man</i>	<i>husband</i>
франц.	<i>homme</i>	<i>homme</i>	<i>mar</i>
итал.	<i>uomo</i>	<i>uomo</i>	<i>marito</i>
нем.	<i>Mensch</i>	<i>Mann</i>	<i>Mann</i>
шведс.	<i>maniska</i>	<i>man</i>	<i>man</i>
др.-русс.	человѣкъ	моужь	моужь
русс.	человек	мужчина	муж

В этой таблице сведена информация о следующих семантических деривациях:

№ 19 ‘человек’ ↔ ‘мужчина’

англ. *man*

франц. *homme*

итал. *uomo*

№ 20 ‘мужчина’ ↔ ‘муж’

нем. *Mann*

шведск. *man*

др.-русс. *моужь*

русс. *муж*

Из таблицы 2, в частности, видно, что среди семи сравниваемых языков русский занимает уникальное положение в том отношении, что все три смежных смысла – ‘человек’, ‘мужчина’ и ‘муж’ – выражаются в нем разными словами.

2.5.2. СЕМАНТИЧЕСКАЯ ДЕРИВАЦИЯ С УЧАСТИЕМ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ

Другое обстоятельство, затрудняющее инвентаризацию семантических дериваций, заключается в том, что часто семантическая деривация реализуется одновременно с морфологической – или, другими словами, что искомое семантическое соотношение устанавливается не в пределах одного слова, а между двумя словами, связанными какими-то словообразовательными отношениями. Один такой пример уже был приведен выше (№ 10): в немецком языке от глагола *ziehen* ‘тянуть’ образовано слово *Zug* ‘поезд’ (т.е. буквально ‘тянущий’). В таких случаях, отбрасывая все детали (т.е. сам путь как морфологической, так и семантической деривации), в левой части мы указываем только значение мотивирующей основы. Например:

№ 21. [от ‘жить’] → ‘сильное чувство’

русс. *переживать*

нем. *Erlebnis* (‘переживание’).

Существуют и другие факторы, осложняющие вычленение семантических дериваций. Возникающих на этом пути препятствий так много, что задача оказалась бы вообще неразрешимой, если бы не то обстоятельство, что для целей межъязыкового отождествления семантических дериваций последние должны быть представлены в максимально упрощенной, освобожденной от деталей форме.

Каталог семантических дериваций, построенный согласно изложенным принципам, рассчитан на то, что он будет постоянно пополняться новыми единицами; одновременно будет уточняться и метаязык описания. На определенном уровне формализации способов представления информации каталог сможет быть превращен в базу данных.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Апресян Ю.Д. 1974 – Лексическая семантика. М., 1974.
- Бабаева Е.Э. 1998 – Кто живет в вертепе, или опыт построения семантической истории слов // ВЯ. 1998. № 3.
- Бабаева Е.Э., Журавлев А.Ф., Макеева И.И. 1997 – О проекте "Исторического словаря современного русского языка" // ВЯ. 1997. № 2.
- Будагов Р.А. 1964 – Сравнительно-семасологические исследования. Романские языки. М., 1964.
- Виноградов В.В. 1994 – Слово и значение как предмет историко-лексикологического исследования // В.В. Виноградов. История слов. М., 1994.
- Гак В.Г. 1997 – Типология аналитических форм глагола в славянских языках // ВЯ. 1997. № 2.
- Зализняк Анна А. 1995 – Опыт моделирования семантики приставочных глаголов в русском языке // Russian linguistics. V. 19. 1995.
- Зализняк Анна А. 2000 – Русская приставка у-: когнитивная модель семантической деривации // First annual conference of the Slavic cognitive linguistic association, Chapel Hill, North Carolina, November 3–4, 2000.
- Зализняк Анна А., Шмелев А.Д. 2000 – Введение в русскую аспектологию. М., 2000.
- Кустова Г.И. 1998 – Производные значения с экспериенциальной составляющей // Семиотика и информатика. Вып. 36. М., 1998.
- Кустова Г.И., Падучева Е.В. 1994 – Словарь как лексическая база данных // ВЯ. 1994. № 4.
- Крысько В.Б. 1997 – *Verba pretii* в истории русского и других славянских языков // ВЯ. 1997. № 2.
- Падучева Е.В. 1998а – О семантической деривации: слово как парадигма лексем // Русский язык в его функционировании. Третьи Шмелевские чтения, 22–24 февраля 1998. Тезисы докладов международной конференции. М., 1998.
- Падучева Е.В. 1998б – Парадигма регулярной многозначности глагола звука // ВЯ. 1998. № 5.
- Плунгян В.А. 1998 – Проблемы грамматического значения в современных морфологических теориях // Семиотика и информатика. Вып. 36. М., 1998.
- Седакова О.А. Материалы к учебнику церковнославянского языка. Церковнославянско-русские паронимы // Славяноведение. 1992. № 5–1995. № 2.
- Толстой Н.И. 1997 – Избранные труды. Т. 1. М., 1997.
- Трубачев О.Н. 1964 – 'Молчать' и 'таять'. О необходимости семасологического словаря нового типа // Проблемы индоевропейского языкознания. М., 1964.
- Трубачев О.Н. 1976 – Этимологические исследования и лексическая семантика // Принципы и методы семантических исследований. М., 1976.
- Урысон Е.В. 1998 – Языковая картина мира vs. обиходные представления (модель восприятия в русском языке) // ВЯ. 1998. № 2.
- Херberman К.-П. Компаративные конструкции в сравнении. К вопросу об отношении грамматики к этимологии и языковой типологии // ВЯ. 1998. № 2.
- Шимчук Э.Г. 1991 – Из истории лексики, связанной с духовным миром человека (др.-русская тьска и его окружение) // Историко-культурный аспект лексикологического описания. Вып. 1. М., 1991.
- Шмелев Д.Н. 1964 – Очерки по семасологии русского языка. М., 1964.
- Шмелев Д.Н. 1973 – Проблемы семантического анализа лексики. М., 1973.
- Яворская Г.М. 1992 – Лексико-семантическая типология в синхронии и диахронии. Киев, 1992.
- Яковлева Е.С. 1988 – О понятии "культурная память" в применении к семантике слова // ВЯ. 1998. № 3.
- Benveniste E. 1954 – Problèmes sémantiques de la reconstruction // Word. V. X. № 2–3. (русс. пер.: Э. Бенвенист. Общая лингвистика. М., 1974).
- Kleparski G. 1986 – Semantic change and componential analysis; an inquiry into pejorative development in English // Eichstätter Materialien. Bd. 9. Abteilung Sprache und Literatur 4. Regensburg, 1986.
- Schröpfer J. 1956 – Wozu ein vergleichendes Wörterbuch des Sinnwandels? – Proceedings of the Seventh International congress of linguists (London 1952). London, 1956.
- Schröpfer J. 1979 – Wörterbuch der vergleichenden Bezeichnungslehre. Onomaseologie. Bd. 1. Heidelberg, 1979.